

³ Михайловский Б., Тагер Е. Творчество М. Горького. М., 1969. С. 16.

⁴ Горький М. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1959. Т. 1. С. 326.

Далее сноски на это издание даны в тексте с указанием тома и страницы.

⁵ Бабаян Э. Ранний Горький. У истоков творчества. М., 1979. С. 185—186.

⁶ Гусев В. Герой и стиль. М., 1963. С. 86.

⁷ Бабаян Э. Ранний Горький. С. 186.

Р. Е. ЛАПУШИН

ТРИ НЕКРОЛОГА А. П. ЧЕХОВА (К вопросу о личности писателя)

Среди произведений чеховской публицистики есть три некролога. Наиболее подробно изучен первый по времени написания, посвященный Н. Пржевальскому. Исследователи творчества Чехова обращаются к нему, характеризуя личность писателя, его взгляд на современное общество. Два других некролога «В. А. Бандаков» и «З. М. Линтварева», если рассматривать их отдельно, не отличаются такой масштабностью, глубиной обобщения, эмоциональным накалом. Но, рассматриваемые вместе с некрологом о Пржевальском, эти же произведения воспринимаются по-иному, они дополняют и обогащают друг друга. Рассказывая о В. Бандакове и З. Линтваревой, Чехов как бы продолжает разговор, начатый им в «Н. М. Пржевальском». Чувствуется внутреннее родство, общность темы и общая для всех трех произведений мысль — о предназначении человека. При таком подходе полнее раскрывается и личность самого писателя.

Бунин точно заметил: «В своих работах он (Чехов — Р. Л.) почти никогда не говорил о себе, о своих вкусах, о своих взглядах... В жизни он также никогда не носился со своим «я», очень редко говорил о своих симпатиях и антипатиях: «Я люблю то-то...», «Я не выношу того-то...», это не чеховские фразы»¹.

В некрологах иначе. Здесь сам жанр предполагает выражение личных взглядов и позиции. «Таких людей, как Пржевальский, я люблю бесконечно»², — говорит А. П. Чехов в одном из писем. Для него Пржевальский — не просто знаменитый путешественник, но прежде всего подвижник, олицетворяющий высшую нравственную силу человека, деятельность которого, помимо ученых и государственных заслуг, имеет громадное воспитательное значение. Также и в деятельности духовного писателя и проповедника Бандакова, в жизни врача Линтваревой, страдавшей от неизлечимой болезни, Чехов выделяет прежде всего нравственный аспект, способность отстаивать свои убеждения, готовность, вопреки собственным страданиям, помогать людям.

Но в каждом из некрологов есть и другой мир, противостоящий, а иногда и открыто враждебный тем, кому отданы симпатии писателя. Наиболее четко это противостояние выражено в некрологе о Пржевальском:

«В наше больное время, когда европейскими обществами обуяли лень, скука жизни и неверие, когда всюду в странной взаимной комбинации царят нелюбовь к жизни и страх смерти, когда даже лучшие люди сидят сложа руки, оправдывая свою лень и свой разврат отсутствием определенной цели в жизни, подвижники нужны, как солнце» (16, 237—238).

На фоне развернутой в «Н. М. Пржевальском» картины современного общества масштабнее воспринимается и судьба Бандакова: «Он не боялся говорить правду и говорил ее открыто, без обиняков; люди же не любят, когда им говорят правду, и потому покойный пострадал в своей жизни не мало» (16, 244).

Более приглушенно, переходя в сферу межличностных отношений, звучит тема противостояния в «З. М. Линтваревой»: «В то самое время, когда вокруг нее зрячие и здоровые жаловались порой на свою судь-

бу, она — слепая, лишенная свободы движений и обреченная на смерть,— не роптала, утешала и ободряла жаловавшихся» (16, 258).

Есть у героев чеховских некрологов и другие точки соприкосновения. «...Такие люди, как Пржевальский,— пишет Чехов,— дороги особенно тем, что смысл их жизни, подвиги, цели и нравственная физиономия доступны пониманию даже ребенка». И, говоря о Бандакове, писатель отмечает, что двенадцать томов его сочинений «составляют энциклопедию, в которой могут найти для себя одинаково интересное и полезное чтение люди всех званий и профессий: и богатейшие негоцианты, и чиновники, и дамы, и солдаты, и арестанты». Также и горе Линтваревой вызывает живое участие не только у ее близких, но и у крестьян, о которых она так искренне заботилась.

Думается, что не будет преувеличением отнести к «людям подвига, веры и ясно осознанной цели» не только знаменитого путешественника, но и В. Бандакова, и З. Линтвареву. В той общественной обстановке, которую обрисовал Чехов в <Н. М. Пржевальском>, равнодушие, деятельная любовь к людям тоже становятся подвигом. Не обязательно совершать далекие путешествия. Подвижником можно быть в каждодневной будничной жизни.

В художественном мире Чехова есть персонаж, вобравший в себя черты героев всех трех некрологов. Это — доктор из «Рассказа старшего садовника». «...Жители города были для него чужие, не родные, но он любил их, как детей, и не жалел для них даже своей жизни. У него самого была чахотка, он кашлял, но, когда его звали к больному, забывал про свою болезнь... Он пренебрегал зноем и холодом, презирал голод и жажду» (8, 344).

Но «Рассказ старшего садовника» — притча. В целом для творчества писателя такие герои не характерны. Даже для лучших чеховских героев подвижничество скорее мечта, а не реальность. Но и это не мало, и это — «симптомы той доброкачественной заразы, которая неминуемо распространяется по земле от подвига» (16, 236).

Следует, однако, учитывать специфику жанра. Герои некрологов приподняты над бытом, освобождены от неизбежных в реальной жизни противоречий и неоднозначности своих характеров. Чехов отбирает в них то, что представляется ему особенно важным, наиболее отвечает его собственным взглядам, убеждениям, поступкам. Поэтому так много в некрологах личного. И сопоставлять их героев надо скорее не с персонажами прозы и драматургии Чехова, а с самим автором.

Некролог о Пржевальском написан в октябре 1888 года. Этот год для Чехова переломный. Покончено с многописанием. Приходит серьезная популярность, внимание критики. Писателю присуждена Пушкинская премия. Но Чехову кажется, что настоящая литературная деятельность еще только начинается. В <Н. М. Пржевальском> он как бы прокладывает какие-то новые для себя пути и в жизни, и в творчестве. «Понятно, чего ради Пржевальский лучшие годы своей жизни провел в Центральной Азии, понятен смысл тех опасностей и лишений, каким он подвергал себя... Читая его биографию, никто не спросит: зачем? почему? какой тут смысл? Но всякий скажет: он прав». Прочитав эти венчающие некролог строки, чувствуешь ненужность и другого вопроса: зачем сам Чехов менее чем через два года поедет на Сахалин, какой тут смысл?

В «В. А. Бандакове» писатель формулирует публицистическую программу таганрогского проповедника, которая характеризует и публицистику самого Чехова (18, 280). «Обладая по природе своей крупным публицистическим талантом, в высшей степени разнообразным, он редко отстранялся на отвлеченных богословских темах, предпочитая им вопросы дня и насущные потребности того города и края, в котором он жил и работал; неурожай, повальные болезни, солдатский набор, открытие нового клуба — ничто не ускользало от его внимания» (16, 244). В свете этой программы закономерными кажутся такие журналистские произведения зрелого Чехова, как опубликованная в «Новом времени» десяти-

строчная заметка «Вопрос», связанная с неурожаем и голодом в центральной России, или, например, замысел неосуществленной статьи о школах для крымских татар. Кроме того, одним из главных достоинств писательской манеры Бандакова Чехов называет простоту и краткость, что характерно для его собственного творчества.

Но, пожалуй, наиболее исповедально звучат цитировавшиеся строки из некролога о Линтваревой, написанные в то время, когда болезнь Чехова уже не раз давала о себе знать.

Героиней же прозы и драматургии писателя могла бы скорее стать не З. Линтварева, а ее сестра, тоже врач, «старая дева, тихое, застенчивое, бесконечно доброе, любящее всех и некрасивое создание» (Письма. Т. 2. С. 278). Такой ее увидел Чехов. А год спустя он напишет о ней в письме к Суворину: «Вы интересуетесь знать, продолжает ли Вас ненавидеть докторша. Увы! Она пополнела и сильно смирилась» (Письма. Т. 3. С. 215). Такова судьба многих чеховских героев. Но писатель считал нужным говорить и о других людях, точнее, о другом в людях — о безоглядной вере, способности к самопожертвованию, к подвигу.

Три некролога не случайны в творчестве Чехова. Они глубоко связаны с его личностью и, что еще более ценно, подтверждены опытом его жизни.

¹ Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1965—1967. Т. 9. С. 180.

² Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1974—1983. Письма. Т. 3. С. 44. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

Н. Ф. ПОПОВА

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗМА Е. ЧИРИКОВА В ПРОЗЕ 90-х ГОДОВ О ДЕРЕВНЕ

Литературное движение 90-х годов XIX века было явлением своеобразным по тематике и проблематике художественных произведений, по наличию в нем разнообразных писательских индивидуальностей. Но эту эпоху роднит с предшествующими десятилетиями главный вопрос, стремление решить который определяло состояние общественной и литературной жизни страны. Это — крестьянский вопрос. Ответить на него надо было на новом этапе развития, в период энергичного наступления капитализма.

Свой вклад в художественное исследование деревенской жизни 90-х годов внес Е. Чirikov. Он посвятил изображению крестьянской жизни такие рассказы, как «Свинья» (1888), «В лесу» (1895), «Прогресс» (1896), «Хлеб везут» (1897) и др.¹ Пожалуй, самый значительный для понимания творческой индивидуальности писателя последний из перечисленных. Думается, не случайно этот рассказ с подзаголовком «В летопись голодного года» был опубликован в «Новом слове» (1897, № 7) именно тогда, когда в журнал пришли «легальные марксисты» и развернули полемику с либеральным народничеством, изображавшим деревню как устойчивую общность, которую грозит свалить капиталистический «молох». Наивная вера в спаянность членов «опчества» мешала писателям-народникам полноценно изобразить переход деревни к капитализму. «Идеализация крестьянина и его общины — одна из необходимых составных частей народничества, и народники всех оттенков... принесли обильную дань этому стремлению идеализации и подкрашивания «общины»², — указывал Ленин. Сказанное о теории народников во многом верно применительно и к литературному народничеству, особенно либеральной его тенденции.

Прогрессивная литература 90-х годов преодолевала традиции народнической беллетристики и призывала к правде «без всяких прикрас», наследуя завоевания реализма 60-х годов. В числе таких произведений и рассказ Чirikova «Хлеб везут». Уже начало рассказа противостоит сце-